

КРЫСА

В

Бутылке

Индиря Неганди

Крыса

Индира НеГанди
Крыса в Бутылке

«Автор»

2026

НеГанди И.

Крыса в Бутылке / И. НеГанди — «Автор», 2026 — (Крыса)

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА, ВОШЕДШЕГО В ШОРТ-ЛИСТ
КОНКУРСА «НЕФИНАЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ» 2026
Москва научила её слушать. Петербург заставит её бежать. Медный всадник скачет по набережным. В зеркалах прячутся лица, которых не может быть. А в Бутылке живут документы, помнящие то, чего не случилось. Алиса думала, что знает правила. Но всё рухнуло, когда Пётр Первый спрыгнул с постамента. Теперь тени шепчут из архивной слизи, студенты выходят на баррикады, а Распутин собирается вернуться. Добро пожаловать в город, где камни дышат заклятиями. Говорят, это только начало. Следующий город уже затаил дыхание. Легенды там просыпаются прямо сейчас. Карта расширяется. Легенды не спят.

© НеГанди И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Медный всадник	5
Глава 2: «Все ждали»	8
Глава 3: Сектанты	13
Глава 4: Ловец теней	19
Глава 5: Новая Голландия	24
Глава 6: Дом с совами	27
Глава 7: Дом Зингера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Индира НеГанди

Крыса в Бутылке

Глава 1: Медный всадник

Петербург встретил их белой ночью. Июньское небо над Невой не почернело — оно выцвело до густого, чернильно-синего оттенка, в котором ещё теплился отсвет заката. Фонари горели впустую, жёлтые шары света висели над мостовой, как маленькие луны. Люди не расходились. На набережной смеялись компании, кто-то играл на гитаре, пара в обнимку смотрела на развод мостов. Город жил в странном, полуночном, полусонном ритме.

Алиса села на скамейку, Максим подошёл к памятнику — Медному всаднику, взлетевшему на дыбы над гранитной глыбой, — и лениво облокотился о постамент, скрестив руки на груди.

— Ты уверен, что он тебя звал? — спросила Алиса.

— Ни в чём нельзя быть уверенным, — ответил Максим, не глядя на неё. — Но традиция есть традиция.

— Какая традиция?

— Ждать.

Алиса поёжилась. От воды тянуло сыростью, которая пробиралась под куртку и оседала на коже липкой изморосью.

Время тянулось медленно. Она считала прохожих, потом машин, потом просто смотрела на тёмную воду Невы. В какой-то момент ей показалось, что в отражении, на противоположном берегу, кто-то стоит и смотрит прямо на неё. Но когда она подняла голову — там были только набережная и редкие фонари.

— Выдернул меня из постели в шесть утра, — буркнула под нос Алиса. — Оторвал от важных дел...

— Ты пыталась заговорить с гадалыми картами, Алиса. Ни от чего важного я тебя не отвлек, — Максим подошёл и сел рядом. — Кстати, зачем? — Будущее хочешь узнать?

— Мне бы прошлое узнать, — Алиса ещё съёжилась.

— Прошлое — это архив. Будущее — это ставки. А настоящее — это мы с тобой на скамейке в городе, где нас ждут приключения с гарантией членовредительства. Забудь про карты. Они врут чаще, чем люди.

— А люди?

— Люди врут всегда. Это их способ выживать.

— Тебя послушать, так никому нельзя верить.

— Мне верь. Я никогда не вру. Я же кот.

Алиса хотела огрызнуться, но не нашла слов. Внутри разрасталась тревога. Будто город давил на неё всей своей тяжестью.

К трём часам ночи площадь опустела.

Последние прохожие растворились в арках домов. Гитара смолкла. Алиса уже начала клевать носом, когда земля дрогнула.

Сначала ей показалось — поезд. Или метро под землёй. Но звук нарастал.

Топот. Медленный, властный, неумолимый.

Копыта по брусчатке.

— Максим...

— Молчи, он не любит посторонних, — не оборачиваясь, сказал он.

Алиса вскочила со скамейки. И замерла.

Сначала только тень под копытами коня стало чернее. Потом сама бронза потекла, как расплавленный воск, но не потеряла форму — она наполнялась чем-то изнутри.

Конь ударил копытом. Искры брызнули из-под кованой ноги.

Пётр Первый слез с коня.

Это было неправильно. Не по-человечески. Он не спустился — он вытек из седла, как густая, тяжёлая ртуть, и встал на гранит. Огромный. Выше любого живого человека. Его плащ, казалось, двигался сам по себе, хотя ветра не было.

— Московские к нам пожаловали, — пророкотал он.

Голос шёл не из горла — из самой бронзы, из глубины памятника. Низкий, раскатистый, с привкусом старой меди.

Максим не поклонился. Только кивнул, как старому знакомому.

— Топот твоих копыт слышен до самой Москвы. Я расценил это как приглашение в гости.

— Зря, — Пётр сложил руки на груди. — Питерцы не будут тебе рады.

— Рады не рады, но, если уж Пётр Алексеевич начал громко скакать по городу, значит, дело плохо.

Император медленно обошёл постамент, и Алиса заметила, что его шаги не оставляют следов. Будто он шёл по воздуху, на миллиметр выше камня.

— Воруют, — сказал он глухо. — Из Эрмитажа. Из Кунсткамеры. Даже из запасников, куда только хранители имеют доступ. Пропал мой голландский камзол, в котором я учился корабельному делу.

Максим присвистнул.

— Чувствую, как вещи покидают пределы города.

Алиса вздрогнула.

Пётр наклонил голову. Его серебряные глаза уставились на Алису с холодным, древним любопытством.

— А это кто с тобой, потомок Брюса?

— Алиса. Из Москвы. Полиглот и...

— Ясно. А вот твой почтенный предок со всякими полиглотами не якшался, — перебил строго Пётр Первый Максима и заложил руки за спину.

— Я... — начала Алиса.

— Здесь тебе это не поможет. Здесь некому зубы заговаривать.

— Мы разберёмся, — сказал Максим. — Дай нам пару дней.

— Дней у вас нет. Это у меня в запасе вечность. А у тебя ничего нет.

Он развернулся и зашагал обратно к коню.

В следующее мгновение Пётр уже сидел на коне. Бронза застывала, превращаясь обратно в неподвижный металл.

Но перед тем как его глаза погасли, он посмотрел прямо на Алису.

— Всё не так, как кажется. Осторожнее, — сказал он тихо. И статуя замерла.

Тишина вернулась на площадь. Максим выпрямился, отряхнул рукав.

— Пойдём. Надо поспать хотя бы пару часов.

— Он... — Алиса не могла подобрать слов. — Он настоящий? И он здесь!

— А куда Петру Первому деваться? Он не мог покинуть этот город. Здесь его сердце.

— Никогда не наблюдала за тобой сентиментальности. Питерский воздух тебе на пользу. И, кстати, неужели Медный всадник обеспокоился утерянными картузами? Звучит неуверенно.

— Не знаю, — признался Максим.

— И что мы будем делать?

— Для начала — поговорим с местными.

— С какими местными?

— С теми, кто любит музеи. Им должно быть обидней всего.

Максим остановился у гостиницы — старого здания на Малой Морской, с лепниной и тяжёлыми дверями.

Алиса подняла голову. В окнах гостиницы горел тусклый свет.

Она вошла внутрь и только там, в тихом, пахнущем воском холле, позволила себе выдохнуть.

— Максим, — сказала она, когда они поднимались по лестнице. — Он сказал «осторожнее». Что это значит?

Он остановился перед её дверью. Посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Это значит, что мы как всегда в опасности. Я-то выберусь. А ты постарайся не умереть, пожалуйста. Даже Пётр понял, что у тебя к этому склонность, — отчеканил Максим и направился к своей двери. — Спи. Завтра будет долгий день, — бросил он через спину.

Дверь закрылась. Алиса осталась одна в маленьком номере с высоким потолком и зеркалом в тяжёлой раме.

Алиса уснула, не раздеваясь.

И не видела, как в полночь по зеркалу пробежала рябь. Как из глубины стекла проступило чужое лицо — бледное, с провалившимися щеками и жёлтыми глазами.

Глава 2: «Все ждали»

Завтракали в тишине.

— Ты газету вверх ногами держишь.

— Я так тренирую мозг.

Алиса фыркнула и отодвинула тарелку. Есть не хотелось. Напряжение чуть отпустило, но не до конца.

После завтрака они пешком направились к Кунсткамере. Петербург встретил их редким июньским солнцем — оно не грело, а скорее подсвечивало город, делая его прозрачным.

— И как они здесь живут? — пробормотала Алиса, кутаясь в куртку.

— Привыкают, — ответил Максим. — Или съезжают.

В Кунсткамере былолюдно. Экскурсии шли одна за другой, студенты перекрикивались в залах, где за стеклянными витринами застыли уродцы в банках и старинные астрологические приборы. Алиса покосилась на длинный ряд «экспонатов» и поёжилась — не от страха, а от странного чувства, что некоторые банки смотрят на неё в ответ.

Они нашли его у зала с глобусом планетария.

Экскурсовод — тонкий, высокий, с усами и немного растерянным видом — проводил группу студентов. Он говорил увлечённо, но иногда заикался, особенно на сложных названиях. Яша Морозов.

Алиса заметила некую странность. Когда Яша проходил сквозь толпу, он должен был их задевать. Но по факту как бы «протекал» между ними. Как кошка. Легко, как сквозь туман. Студенты не замечали, вздрагивали, только когда он оказывался прямо перед ними, но тут же забывали об этом, отвлекаясь на экспонаты.

— Он... — шепнула Алиса.

— Сквозь стены проходит, — подтвердил Максим. — И сквозь людей. Непроизвольно. Поэтому в музее работает — никто не замечает лишнего движения.

— Он же экскурсовод, а не призрак.

— А ты думаешь, посвящённые только в Надзоре работают? Кто-то варит кофе. Кто-то учит студентов. Кто-то хранит тайны в пыльных залах. Кто-то учится на историческом факультете, — подмигнул Максим Алисе.

Яша распустил группу и подошёл к ним.

— Приветствую, дружище! Место найдётся для разговора?

— В «Кофейне у Тамары», — коротко ответил Яша и пошёл вперёд.

Они вышли из Кунсткамеры и свернули в неприметную дверь между сувенирным магазином и подворотней. Внутри пахло корицей и старыми книгами. В тесной кофейне было всего пять столиков. Два столика были заняты. За одним столиком сидела девушка с седой прядью, угрюмо вчитываясь в книгу. За другим — громко целующаяся пара. За стойкой возилась круглолицая девушка — Тамара. Она, не глядя, пододвинула чашки к трём местам, и те скользнули по столешнице сами собой, как по маслу. Никто из присутствующих не заметил этого непривычного жеста.

— Максим, здравствуй! — Тамара поставила перед ними чашки и села рядом. — А это, вижу, та самая Алиса? Наслышана.

— Да, это она чуть не умерла два года назад, — усмехнулся Максим.

— Ты себе не изменяешь, — громко рассмеялась Тамара, слегка толкнув Максима в плечо. — Так чего тебя не было видно?

— Ты единственная, кто в Петербурге задаёт этот вопрос. Обычно говорят: «чего приехали»?

— И это верно, — усмехнулась Тамара и прошла за стойку.

Яша отхлебнул чай, заговорил с запинкой, но быстро вошёл в ритм.

— Пётр прав. Вещи пропадают. То тут, то там. Сигнализация не срабатывает, замки не вскрыты... будто их взяли и вынули из реальности. В Северном Надзоре молчат. Но это ты и сам знаешь, Надзор всегда молчит. С Советом Старейшин связи и вовсе нет.

— Что именно пропало? — спросил Максим.

Яша озадаченно почесал затылок.

— Это сложно обозначить. Это же надо... Знаешь, тебе лучше обратиться к Фёдору. Он как раз вернулся в город после долгой отлучки.

— Я к тебе обратился, чтобы к Фёдору не обращаться. Никогда не знаешь, когда он скажет правду, а когда «наколдует» её тебе, — Максим обвёл мрачным взглядом зал и присутствующих.

— Я могу попробовать составить список. Не полный, конечно, музейные фонды скрывают масштаб. Но то, что заметили...

— Это отличная идея, Яша, — Максим похлопал по-дружески Яшу по плечу.

— Но к Фёдору всё же сто́ит обратиться, — рассеянно посмотрев в свою чашку, добавил Яша.

— Ты прав...

— И к Денису Семёновичу, — буркнул Яша, словно говорил он уже со столом.

— У тебя уже спрашивали про меня? — криво усмехнулся Максим, откидываясь на спинку деревянного стула.

— Даже Остаповна приходила, — нервно усмехнулся Яша, не поднимая головы. — Едва твоя нога ступила на перрон.

— Не сомневался, — кивнул Максим. — Только зачем я понадобился главному архивариусу?

— Этого мне не знать. Это твоя работа, просчитывать.

Видимо, задумавшись, Яша не осознавал, что протянутая рука за чашкой уже третий раз прошла сквозь неё. Алиса с интересом наблюдала, на какой раз Яша обнаружит, что он «частично растворяется в чашке».

— Максим говорит, что Медный всадник просто так не пробудится, — вмешалась Алиса.

Яша поднял голову и уставился на Алису долгим пустым взглядом и лишь потом слегка кивнул. Алисе показалось, что он едва не уснул.

— Всё верно, — и здесь он словно только что пробудился и волнительно затрепетал, часто моргая, — и это меня сильно беспокоит. Он за последние 200 лет стоял камнем на своей площади. И здесь загромыхал. И ни с кем не заговаривал. Дениса Семёновича вообще послал к «чертям немецким». А тут, оказывается, его картуз своровали! Я-я-я... — и он снова сник, и голова его рухнула на грудь, будто у заводной куклы вытянутая ниточка ушла в своё гнездо.

Алиса недоумённо моргнула. Она не ожидала такой эмоциональной речи от Яши, это тонкого, почти прозрачного человека в джинсах и серой футболке. Ну и ей пришлось признать себя самой себе: она не придавала особой значимости скачущему Петру Первому.

— А почему, Максим, он с тобой заговорил? — попыталась разобраться Алиса, медленно повернув к нему голову.

— Всё очень просто — мой уважаемый предок, Яков Брюс, уж очень был уважаем и самим Петром Первым и был его ближайшим сподвижником. Столь тёплые отношения мне передались по праву наследства, так сказать.

— Максим единственный, с кем заговорил наш тоталитарный памятник, — всё с той же поникшей головой, вздохнул Яша.

Через немного, Яша поспешно со всеми распрощался: у него была экскурсионная группа в ожидании.

Распрощавшись с Тamarой, они вышли на улицу. Солнце спряталось за облака, но летний ветер не давал забывать, что уже лето.

— Куда теперь? — спросила Алиса.

— К Лее, — сказал Максим, сворачивая в арку. — Антикварный магазин на Большой Морской. Магазин оказался маленьким, заваленным вещами до потолка. Здесь были иконы, подсвечники, старинные карты, броши, кружева, шкатулки — всего понемногу. За прилавком сидела Лея Александровна — женщина с идеальной осанкой и гладкой кожей в чёрном платье, которое исключительно подчёркивало все её достоинства.

— Максим, — словно мелодия проиграл её голос, — давно не заходил.

Она вышла из-за прилавка и обняла Максима.

— Это Алиса, — представил Максим свою спутницу.

Лея, слегка кивнула и мягко улыбнулась. Она подошла к Алисе и взяла её за руки.

— Очень рада нашему знакомству. Признаться, я о тебе много слышала.

— Я тоже, — искренне ответила Алиса.

— Я ожидала, что ты приедешь, — обратилась она к Максиму, проходя за стойку. — Удивлена только, что так задержался.

— Совет Старейшин всячески оттягивал мой отъезд, давая непонятные задачи.

— Они всегда себя непонятно ведут, — поддавшись вперёд, зашептала Лея.

В этот момент зазвенел колокольчик. В дверь вошла девушка. Алиса в ней сразу узнала девушку с седой прядью из кофейни. Под мышкой она держала ту книгу, которой зачитывалась за чашкой кофе.

— Так вы ищите вазочку? — обратилась Лея к нам нарочито громко.

— Синюю, — улыбнулся Максим.

— Постараюсь вам помочь. Пройдёте за мной в подсобку.

— Не буду спрашивать, что тебя привело сюда, — стоило им пройти в узкую дверь за стойкой, зашептала Лея. — Он здорово всех напугал. Я несколько раз ходила на Сенатскую площадь. Его было не остановить, он по-настоящему разъярён. Что он сказал?

— Раскрадывают его личные вещи из музеев.

— Ох, — вырвался вздох у Леи. Она оперлась на пыльные коробки. — Яша пытался пробиться к Надзору с этим вопросом. Но его так и не приняли.

— Я примерно этого и ожидал.

— Извините, что отвлекаю, — вмешалась Алиса, — но магазин без присмотра и там была...

— Не волнуйся, милая, в моём магазине ничто невозможно украсть, — успокоила Лея и обратилась к Максиму. — Их нигде нет, — и прикусила губу.

— Ты знаешь весь список украденных вещей? — с надеждой спросил Максим.

— Нет, — Лея медленно покачала головой. — Но из того украденного, что мне известно... Всё как сквозь землю провалилось. На чёрном рынке ничего нет. Более того, я проверила наши рынки... А ты знаешь, от меня ничего не ускользнёт. Ни-че-го. Это следы нашего мира. Однозначно. Но зачем?

Максим задумчиво промолчал.

— Значит, крадут не для продажи, — сделал вывод Максим.

— Или крадут под заказ, — Лея понизила голос. — На рынке несколько человек спрашивали про чашу. С янтарными камнями.

Пока они шептались, Алиса с изумлением разглядывала пыльные сундуки, коробки и шкафчики с наслоением истории. За пыльными стёклами шкафчика Алиса с восхищением разглядывала золочёную балерину с поднятой к голове ногой. А на шее у неё на длинной цепочке висел серебряный кувшин. Он был покрыт вязью, похожей на арабскую, но с какими-то странными, незнакомыми символами.

— Красивая вещь, — сказала она, протягивая руку.

— Осторожнее, — Лея бросила быстрый взгляд. — Это Фёдор с международного рынка в Стамбуле полгода назад притащил. Сказал, редчайший экземпляр и не представляет никакой магической опасности. Но я так и не рискнула выставить его на продажу — слишком тёмная энергия.

— Тёмная энергия? — Алиса отдернула руку.

— Шучу, — Лея усмехнулась, но улыбка вышла нервной. — Или нет. С Фёдором никогда не знаешь. Он для меня сам слишком тёмный, — с волнением добавила она.

— Постарайся выяснить, что это за чаша. И нашли ли её покупатели? — продолжил Максим.

— Будет сделано, — серьёзно кивнула Лея и открыла дверь подсобки.

На секунду Алисе показалось, что от двери что-то отскочило.

— Денис Семёнович, уверена, тебя заждался. Можешь напрямик к нему направиться.

— По моим расчётам, мне и направиться никуда не придётся, — искривил губы Максим, в попытке улыбнуться.

— Очень жаль, что наша вазочка вам не подошла, — выталкивая их из подсобки, громко заявила Лея и закрыла дверь на ключ.

— Уж слишком она у вас потёртая. Пойдём, дорогая, — Максим мягко взял Алису под руку. — Уверен, найдём в другом магазине.

В магазине было уже четыре посетителя. И та девушка, она внимательно разглядывала книжный отдел. На этот раз Алисе удалось разглядеть, что за книгу читала девушка в красном платье: «Могущественные карты». Алиса про себя хихикнула.

Они вышли на улицу. Солнце светило ярко и уже начинало греть.

Максим рассеянно смотрел по сторонам.

В этот момент дверь антикварного магазина «Забытая жемчужина» отворилась и оттуда, оглядываясь, вышла девушка в красном платье.

Увидев Алису с Максимом, она двинулась в обратную от них сторону.

— Она была ещё в кофейне у Тамары, — тихо сказала Алиса, кивнув в сторону удаляющейся фигуры.

— Мне тоже это не понравилось, — сказал Максим.

— Ты кого-то ждёшь?

Максим молча кивнул.

— Денис Семёнович? Начальник Северного Надзора? Думаешь, сам прибудет?

Максим вновь собрал свой рассеянный взгляд на Алисе.

— Уверен, — ухмыльнулся Максим.

Максим хотел ещё что-то сказать, но звук тормозящих колёс отвлек его внимание.

— Я тебя ждал десять минут назад, — Максим сделал шаг вперёд к дороге, улыбаясь широкой кошачьей улыбкой.

— Мост внепланово развели, увы, коллега, пришлось стоять в общей пробке, — из чёрного джипа, припаркованного на обочине, вышел низкий, лысый мужчина с небольшим пузом. Алисе по началу показался он комичным. Но приглядевшись, сделала вывод — что он вполне симпатичен для мужчины средних лет.

— А как же наши тайные таланты? — Максим уже стоял рядом и подал руку.

— Увы, перемещаться в пространстве без угроз смерти нам так и не разрешили, ты же знаешь, — Денис Семёнович ответил на рукопожатие. — Но не стоять же нам на дороге. Время обеда. Приглашаю вкусно отобедать.

— Уж если чьи приглашения на обед принимать, так это — твои. Ты знаешь толк в кулинарных изысканиях, — своеобразно принял приглашение на обед Максим.

А Алиса вполне была согласна с ними обеими, так как изрядно проголодалась.

Джип тронулся. Алиса посмотрела в окно. Магазин «Забытая жемчужина» остался позади.

Глава 3: Сектанты

Ресторан назывался «Мезонин». Он прятался на крыше исторического особняка на Малой Конюшенной, и чтобы попасть туда, нужно было знать кодовое слово. Денис Семёнович сказал его швейцару шёпотом, и тяжёлые дубовые двери разошлись беззвучно, как театральный занавес.

Внутри пахло деревом, старыми книгами и дорогим табаком. Всё выглядело напыщенно. Официанты скользили между стульями, как тени.

— «Логово посвящённых», — усмехнулся Максим, пропуская её вперёд. — Здесь каждый второй — наш. И каждый третий должен делать вид, что он не наш. Утомительный спектакль.

Они прошли вглубь зала. Алиса скользила взглядом по лицам — и не смогла скрыть изумления.

В дальнем углу, у окна с видом на Исаакий, сидел Владимир. Он был в чёрном костюме, без галстука, и угрюмо смотрел в свой бокал. Рядом с ним никого не было.

— Он здесь? — шепнула Алиса.

— Он везде, — ответил Максим. — Владимир не приезжает — он возникает. Сегодня здесь, завтра на Камчатке.

Максим кивнул ворону. Владимир поднял голову, его тяжёлый взгляд скользнул по Алисе, задержался на секунду — и он едва заметно поднял руку. Алиса кивнула в ответ.

— Садитесь, — Денис Семёнович указал на столик у стены, откуда был виден весь зал. — Здесь нас не подслушают. Если, конечно, никто не превратится в муху, — грустно усмехнулся Денис.

Официант принёс меню, но Денис отодвинул его в сторону.

— Без бумажек. Нам нужно поговорить. Принеси блюдо дня. Надеюсь, не отравите нас.

Официант с каменным выражением лица кивнул. Видимо, он привык к подобного рода шуткам.

Денис, поёжившись на стуле, начал без предисловий.

— За Петром мы наблюдаем давно. Он начал скакать, значит, система дала трещину.

— Навещали его, — кивнул Максим. — Он уже рассказал.

— Рассказать-то он рассказал, — Денис задумчиво уставился на свои пальцы, которыми барабанил по столу. — Но только не всей картины он видит. Нам нужен Фёдор со списком. Срочно. Увы, никто в наших комитетах не вёл официального счета музейным экспонатам, — он извиняюще развёл руками. — А Фёдор Карпович со своей фотографической памятью и любовью к искусству знает их, как ты таблицу умножения. Но я не могу разговорить Фёдора. А ты сможешь. Ты был участником того дела...

— Понял, — кивнул Максим, — что ещё?

— Секта, — продолжил Денис.

— Секта? — брезгливо переспросил Максим.

Алиса вынуждена была признать, что испытывает такие чувства, как и он.

— Не смейся. Но мы взяли их под наблюдение. Пять чудиков вызывают злых духов на границе миров. В нашем комитете по сверхволнам почувствовали несколько тёмных проникновений. Мы взяли их под наблюдение. Собираются в Ротонде на Гороховой. Называют себя «Отворяющие». Говорят, что могут открыть портал в иной мир. Но пока — только спиритические сеансы и свечи. Но в последнее время у них появились деньги. И артефакты.

— Откуда?

— Не знаю. Но боюсь, что из тех же музеев. Но это только мои домыслы.

К столику подошла женщина.

Она была крупной, с короткой стрижкой густых седых волос и в очках с заушенными остриями на внешних уголках — как у хищной птицы. Остановилась, уперев руки в бока, и уставилась на Дениса.

— Я не дождалась своей очереди.

Денис поморщился.

— Остаповна, сейчас не лучшее время...

— У меня из архива пропадают вещи! Бассейн вышел из строя! Я две недели кричу об этом! — Остаповна сверлила Дениса взглядом.

Денис потёр переносицу.

— Мы работаем над этим, Остаповна. Обещаю.

— Ты только перед лавочкой «Забытой жемчужины» «работаешь» день ото дня, — возмущённо заголосила женщина. — Это ты можешь незаметно перемещаться. А вот твоя большая чёрная машина очень даже заметна! И утихомирьте Карповича! Он то по Европам своим летает, то ко мне врывается как обезумевший с требованиями впустить его в Глухой архив! — воскликнула Остаповна, громко фыркнула и ушла.

Денис выдохнул, вытерев со лба синим шелковым платком испарину.

Максим проводил её взглядом.

— Так значит, — сказал он, — надо начинать с Фёдора?

Денис кивнул.

— Он сейчас в театре.

— Удивился бы, если он был в другом месте, — улыбнулся Максим.

— А вот зря. Последние несколько месяцев Фёдор не вылезает из государственных музеев и архивов. — Денис усмехнулся, но в усмешке чувствовалась тревога. — Ещё немного — и диссертацию по истории защитит. Спрашивает разрешение на доступ в запасники чуть ли не каждый день. И кошмарит Остаповну с просьбами пропустить его в Глухой архив. Но кто же возьмёт на себя такую ответственность? Пускать его на верную гибель!

Алиса чувствовала, что у неё уже раскалывается голова от бесконечных «проблем», озвученных за столом.

Обед затянулся, и Максим обеспокоенно глянул на часы: в театре их мог не дожидаться Фёдор. Поэтому они торопливо покинули ресторан.

Мариинский театр встретил их позолотой, хрусталём и запахом духов, смешанным с пылью кулис.

Антракт был в самом разгаре. Публика гудела, как улей. Дамы в вечерних платьях, мужчины в смокингах, сверкание драгоценностей и шёпот сплетен. Алиса чувствовала себя неуютно в своей куртке и джинсах, но Денис провёл их через служебный вход, минуя фойе.

Фёдора они нашли в ложе у сцены.

Он стоял у перил, заложив руки за спину, и смотрел на пустой зал. Высокий, с правильными чертами лица, в безупречном смокинге. Чёрные волосы — только с левой стороны их коснулась седая прядь, тонкая и аккуратная, будто кто-то провёл кистью.

— Фёдор, — позвал Денис.

Тот обернулся. Увидел Максима — и его лицо исказилось.

— Только не ты! — голос Фёдора был визгливым, почти женским, и он не скрывал раздражения. — Меня все достали! Совет Старейшин — достал! Северный Надзор — достал! Ты — достал! И даже не начинай!

Он развернулся и зашагал к выходу из ложи.

Алиса была поражена: этот человек, который только что казался утончённым эстетом, теперь срывался на визг, как капризный ребёнок. Будто человек пересмотрел спектаклей в своей жизни и беседует с людьми исключительно в театральной манере.

Максим не хотел упускать Фёдора. Он шагнул следом. Алиса видела, как дёргаются плечи Фёдора, как он почти бежит. Что-то в нём было не так. Слишком нервный. Слишком напуганный. Не задумываясь, она быстро остановила время.

Звуки замерли. Свет в люстре застыл, превратившись в неподвижные иглы. Публика в зале стала восковыми фигурами. Даже воздух перестал двигаться.

Фёдор стоял в двух шагах от двери, его нога уже занесена для шага. Лицо искажено гневом. Но было что-то ещё — губы словно дёрнулись в торжествующей улыбке.

Алиса подошла ближе. Каждое движение вне времени давалось с большим трудом и забирало много сил. И единственное, на что у неё хватило сил и времени — это рывком захлопнуть дверь прямо перед носом Фёдора. Больше, чем на пятьдесят шесть секунд Алиса не могла останавливать время.

Она его отпустила.

Мир с грохотом вернулся. Звуки обрушились — шум зала, музыка из оркестровой ямы, чей-то смех. А Фёдор, не ожидавший преграды, со всей силы врезался лицом в острый узор двери.

Он вскрикнул, отшатнулся, прижал руку к переносице. Сквозь пальцы потекла кровь.

— Что за... — он ошеломлённо смотрел на дверь, которая секунду назад была открыта.

— Не надо было так спешить, Фёдор, — спокойно сказал Максим.

Фёдор промокнул кровь платком, тяжело дыша. Спина его была мокрой.

— «Не надо было так спешить...», — передразнил Фёдор Максима писклявым голосом, делая отвратительное выражение лица, — будто я не знаю, с кем имею дело, — визгливо продолжил он. — Что вам нужно?

— Говорят, что ты только из Европы. Где был? Как отдохнул? Между нами говоря, выглядишь ты слегка потрёпанным.

Фёдор в ответ сверкнул озлобленным взглядом.

— Список, — продолжил Максим как ни в чём не бывало, — всех вещей, которые пропали из музеев за последний месяц. Ты же всё помнишь.

— Не для вас стараюсь, — Фёдор говорил отрывисто.

— Не сомневаюсь, — Максим подал руку, чтоб помочь встать Фёдору, но он оттолкнул её и поднялся сам.

— Это ничего не даст, — Фёдор, сморщившись от боли, свободной рукой отряхнул костюм.

— В каком смысле?

— Исчезают не тогда, когда их выносят. Их вынимают из времени, стирают... — нарочно загадочно сказал Фёдор.

Алиса пыталась разобраться, о чём говорил Фёдор. А ещё следила за его лицом: он был явно чем-то доволен.

— Чаша? — спросил Максим.

Фёдор замялся.

— Не понимаю...

— С янтарными камнями, — дополнила Алиса. — Её ищут. На чёрном рынке, среди антикваров.

— Не знаю, — Фёдор поднял на Максима искрящиеся глаза. — И не хочу знать. Я дам вам список. Но больше ничем не могу помочь.

Он развернулся и на этот раз ушёл — осторожно, проверяя, не закроет ли Алиса дверь снова.

Когда он скрылся за поворотом, Максим тихо сказал.

— Он врёт. И говорит правду. Надо разделить одно от другого.

— И знает больше, чем сказал, — добавила Алиса.

— Конечно, знает, — Денис вышел из тени, где стоял всё это время. — Но нам нужно успеть в Ротонду. Сегодня у них сеанс. Надо быть там до 23.30. К этому времени придёт «князь тьмы». Только громко не смейтесь. Порой эти товарищи несут несусветную дичь. У меня уже два агента своим смехом чуть не провалили операцию по слежке.

Ротонда на Гороховой оказалась не тем парадным подъездом, который Алиса ожидала. Это была чёрная лестница, тускло-зелёные стены и запах сырости.

Они поднялись на последний этаж. Денис приложил палец к губам и толкнул тяжёлую дверь на чердак.

На первом этаже горели свечи. Много свечей.

Посреди большого круглого зала, под куполом с лепниной, сидели пятеро. Алиса сразу узнала девушку с седой прядью. Она переделась и была в чёрном длинном платье. Рядом с ней — парень с горящими глазами, который что-то возбуждённо шептал. Остальные трое: парень с толстыми линзами, прыщавый, нервно оглядывался; девушка-хохотушка с ярко-красной помадой, которая не могла усидеть на месте; и ещё один — в потрёпанном пиджаке, с блокнотом в руках, похожий на студента-историка.

— ...мы призываем тени, — шептал тот, с горящими глазами. — Они помогут нам открыть врата. Распутин ждёт. Он слышит нас.

— Это бред, — громко сказал историк. — Теней не существует. Это всё психосоматика. И вздыхаете вы сами, а не тени...

— Заткнись, Саня! — девушка из кофейни вскочила. — Ты ничего не понимаешь!

— Я понимаю, Афелия, что ты купила карты в антикварной лавке и теперь думаешь — ты избранная, — усмехнулся студент-историк.

Афелия выхватила из-за пояса колоду. Карты переливались в свете свечей — золотые, серебряные, с пульсирующими символами. Алиса замерла. Она никогда не видела таких карт. Они были живыми.

— Они сказали, что время пришло! — Афелия почти кричала. — Я чувствую его! Он здесь! Не стоит над этим смеяться. Он не простит!

Хохотушка попятилась.

— Может, хватит? Мне страшно.

— Не бойся, Ксения, — парень в очках, Мирон, попытался её обнять. — Это просто игра. Ничего не случится.

— Ничего не случится, потому что вы ничего не умеете, — отрезал историк и расхохотался.

Афелия всхлипнула.

— Вы не верите... никто не верит... а он придёт. Он обещал.

Она развернулась и побежала к выходу.

— Я за ней, — сказала Алиса.

— Стой, — Максим схватил её за руку. — Она опасна.

— Она напугана, — Алиса вырвала руку. — Это разные вещи.

И побежала следом. Алиса спускалась по чёрной лестнице, перепрыгивая через ступени. На площадке второго этажа она услышала шёпот. Шелестящий, множественный.

«Ведьбоя теньями до добра не доведёт...».

— Кто здесь? — зашептала она. Но никто не ответил.

Алиса замерла. Они были где-то в стенах, в щелях, в темноте. Их голоса звучали сухо, равнодушно, как треск старой плёнки.

«Она не первая... не последняя... а эта — глупая...».

— Про кого вы? — прошептала Алиса.

Но ответа не последовало. Не теряя времени более, Алиса выбежала на улицу. Она увидела Афелию у подъезда соседнего дома. Афелия стояла, прижавшись спиной к стене, и дрожала.

— Афелия, — Алиса подошла медленно, боясь её напугать. — Я не сделаю тебе плохо. Девушка подняла на неё глаза. Красные, заплаканные.

— Ты... ты из них? Которая колдует? — запинаясь и отводя взгляд, спросила Афелия. Алисе показалось странным, что Афелия не испугалась её присутствия. И то, что она знает про тех, кто «колдует».

— Нет. Я просто... человек, который тоже ищет ответы. Хочешь, я провожу тебя домой? Афелия всхлипнула.

— Я снимаю квартиру здесь...

Они поднялись на третий этаж.

— Я снимаю квартиру с подружкой, но сейчас она уехала, — Афелия явно смущалась своей скромной квартиры.

Алиса прошла за ней на маленькую кухню. Афелия не включила свет. Она медленно, словно замороженная, подошла к окну и начала шептать, будто убаюкивала младенца сказками.

— Мне приснился сон. Сказали, что я должна купить карты. Что я смогу открыть ворота... Я должна кого-то освободить, — девушка вошла на кухню и уткнулась лбом в окно, уставившись на город невидящим взглядом.

— Кто сказал?

— Кто? — Афелию словно облили холодной водой, она быстро обернулась и уставилась испуганным взглядом на Алису.

— Да, ты сказала, что тебе...

— Я ничего не говорила, — её глаза забегали по маленькой кухне, ища выхода.

— Но...

— Уйдите, пожалуйста. Кто вы? Зачем вы сюда пришли?!

Девушка дрожала как в лихорадке и быстро замахала руками на Алису. На бледных, тонких пальцах Афелии блеснуло тяжёлое, массивное бронзовое кольцо с чёрным камнем.

Увидев взгляд Алисы, Афелия сорвалась с места, грубо схватила Алису под локоть и буквально вытолкнула её из квартиры. Даже услышав громкий хлопок дверью, Алиса не двинулась с места. Она ошеломлённо стояла и ещё несколько минут слушала истеричные всхлипы Афелии.

— Ты ещё здесь долго будешь стоять? — словно из ниоткуда материализовался Максим.

— А, прости, я что-то...

Максим уже спускался по лестничной площадке. Алиса направилась следом.

Стоило им выйти из подъезда, рядом с ними появился Денис Семёнович.

— Мне показалось, что я общалась с тремя личностями одного человека, — не выдержав молчания, сказала Алиса.

Денис Семёнович лишь усмехнулся.

— Может, и не показалось, — сухо отметил Максим.

— Я слышала чей-то шёпот в Ротонде, когда спускалась. Что-то про тени...

— Кто бы это мог быть? — задумчиво выпустил дым глава Надзора.

— Соседи, тараканы, мимо пробегающие собаки, да кто угодно, — вздохнула Алиса. — Я ещё не научилась распознавать, кого я подслушиваю.

— Ну раз тени к нам наведались, нам придётся наведаться в Северную Кудесницу, — сказал Денис.

— Что это?

— Это местная просветительская, — ответил, зевая Максим.

Они свернули за угол. На неуверенный вопрос Алисы, зачем им местная просветительская, Максим ответил:

— Завтра.

Но так как Алиса очень сильно устала, и больше всего на свете ей хотелось спать, она пожала плечами и с удовольствием прошла в гостиницу. Не дожидаясь Максима.

Глава 4: Ловец теней

Утро у Алисы началось рано, внезапно и разбито.

— Мы опаздываем, — над кроватью стояла знакомая, но совершенно неприятная фигура для раннего часа.

— Максим, я думала, это кошмарный сон с тобой в главных ролях, но нет... Это моя несчастная судьба.

— Ха-ха, — сухо сказал Максим, пройдя к окну и раскрыв шторы, пропуская в тесный гостиничный номер солнечный свет. — Даже раннее утро не отбивает у тебя желания плоско пошутить.

— Ничто не отбивает... — хрипло отозвалась Алиса и спрятала голову под одеялом.

— Вставай! — прокричал Максим.

Алиса от внезапного крика вскочила.

— Ты и так можешь?

— Я по-всякому могу, — улыбнулся Максим.

— Как ты пробрался в мой номер? — Алиса села на кровати. — Через окно?

Максим кивнул и направился к выходу.

— Жду тебя внизу, мы сегодня без завтрака.

Алиса сидела на кровати, чувствуя, как голова раскалывается. Вчерашняя остановка времени дала о себе знать — виски пульсировали, во рту было сухо, и каждое движение давалось с трудом.

— Я тебя ненавижу, Максим, — сказала она без злости. Она знала, что он это не услышит. Просто в такое утро ей надо было кого-то ненавидеть.

Занятия в «Северной кудеснице» начинались в девять. Максим разбудил Алису в семь утра — чтобы застать преподавателя до начала лекций.

Утро в Петербурге выдалось теплее, чем вчера. Солнце пробивалось сквозь редкие облака, и Алиса пыталась убедить себя, что это хороший знак. Тёплый ветер, зелень на газонах, женщины с цветами у метро — обычный город, обычная жизнь. Только они с Максимом немного необычные.

Они шли быстро и вскоре остановились у Аничкова дворца.

— Сюда? — Алиса подняла голову. Дворец выглядел помпезно, но обычно. Туристическое место.

— Сюда, — кивнул Максим и направился к центральному входу.

Охранник — парень в форме, скучающий и подозрительный — преградил дорогу.

— Сейчас дворец не открыт для посетителей. Экскурсии начинаются в десять.

— Мы просто посмотрим снаружи, — невинно улыбнулся Максим.

— В семь утра? — фыркнула Алиса, когда они отошли. — Гениальная легенда.

— Я никогда не претендовал на роль генератора гениальных легенд.

Они обогнули здание и оказались у неприметной боковой двери. Максим провёл пальцами по стене — там, где старая шпаклёвка скрывала что-то под собой.

— Почему все наши здания скрыты под другими зданиями? Что за сложное устройство мироздания? Нельзя было просто отдельный мир создать? — Алиса понимала, что в ней это говорит недосып и плохое самочувствие. Плюс и без завтрака.

Максим лишь блеснул жёлтыми глазами и нажал на выступающий кирпич. Кирпичи разошлись без звука, открывая узкий проход. Внутри пахло пылью и старым деревом.

— Добро пожаловать в «Северную Кудесницу», — сказал Максим.

Первое, что увидела Алиса — золото.

Золото на стенах, на потолке, на лепнине. Шёлковые обои с выцветшими букетами. Тяжёлые люстры, которые, казалось, висели здесь ещё до рождения её бабушки. Всё это было красивым и одновременно душным, как в музее, где запрещено дышать на экспонаты. И готические арки, окна и скульптуры.

— Здесь не на шутку разошлись Гарри Поттер и цыгане, — пробормотала Алиса, оглядываясь.

— Не оstri, — Максим шёл впереди не оборачиваясь.

Они прошли через анфиладу комнат, мимо портретов, статуй, резных столов. Алиса почувствовала себя так, будто попала на выставку декоративно-прикладного искусства, где всё можно трогать, но лучше не надо.

Потом коридор кончился — и они вышли во внутренний двор.

Алиса замерла.

Двор был похож на съёмочную площадку фильма, который смешал все жанры. Старинная архитектура — колонны, арки, лепнина — соседствовала с зелёным газоном, на котором сидели студенты. Десятки молодых людей в обычной одежде: джинсы, свитера, куртки. Кто-то читал, кто-то перешёптывался, двое спорили, показывая на небо.

А в центре двора, прямо в воздухе, висела люстра.

Огромная, хрустальная, она медленно вращалась, хотя ветра не было. На каждом хрусталике Алиса заметила надписи — тонкие, светящиеся, как на экране старого телевизора. Имена. Даты. Символы.

— Почётный регистр, — прошептала восхищённо Алиса. Эта задумка ей определённо понравилась. — Красиво, — признала она.

— Не говори им. Они и так долго над нашим деревом смеялись.

Над головами летело несколько крупных чёрных ворон. Алиса ухмыльнулась, вспомнив свои первые дни в Просветительской. Какого жуткого страха тогда они нагоняли на неё. А сейчас ей захотелось им помахать. Из центрального здания с золотыми колоннами вышла пожилая женщина, с румяными щеками и копной седых волос, перевязанных в дулю. Она обвела двор грустным взглядом, схватила лицо руками, громко поцокала и поспешно ушла обратно. Её длинное платье в цветочек и с рюшами натолкнуло Алису на мысль, что женщина часть массовки и сейчас начнут снимать исторический фильм о временах начала двадцатого века. В этот момент из окна соседнего здания высунулся мужчина.

Здание было странным — похожим на диснеевский замок, если бы его проектировал архитектор-гот. Острые шпили, витражи, балконы. Окно, из которого махали, находилось на третьем этаже, за кривой аркой.

— Максим! — голос был резким, командным. — Поднимайтесь!

Мужчина исчез в темноте.

— Осип Георгиевич, — пояснил Максим. — Преподаватель теневого ресурса. Лучший в своём деле. И самый невыносимый после меня, — губы Максима растянулись в довольной улыбке.

Они вошли в здание. Внутри оказалось ещё более аляповато, чем снаружи: лестница закручивалась вверх спиралью, перила были покрыты чёрным лаком, на стенах висели картины в массивных рамах — портреты людей, чьи глаза, казалось, следили за каждым шагом.

На третьем этаже, у высокой дубовой двери, их ждал Осип Георгиевич.

Он был очень высоким и очень худым — таким, что Алиса подумала: если он повернётся боком, то исчезнет. Длинные, гладко зачёсанные назад волосы, тонкие усы, чёрный костюм, отутюженный до хруста.

— Проходите, — он отступил, пропуская их в кабинет. — Мы не будем вас задерживать, Осип Георгиевич, — начал Максим. — Понимаем, у вас занятия...

— Никаких занятий, — сухо прервал преподаватель. — У нас бунт!

Кабинет был завален бумагами. На столе — стопки папок, на полу — коробки, на подоконнике — какие-то приборы, похожие на старые радиоприёмники.

— Бунт? — переспросила Алиса.

— Им свободы мало, — Осип Георгиевич говорил с такой брезгливостью, будто слово «свобода» было оскорблением. — Их пленили этой школой, понимаете. Лишили возможности проявлять свои способности где попало и как попало. Дурачье.

— А? — спросил Максим.

Осип махнул рукой.

— Лада Леонтьевна? Она хороший человек, бесспорно. Но слишком мягкий и податливый для этих неотёсанных недомагов. И, между нами говоря, в последнее время она себя странно ведёт. На всё происходящее у неё одна реакция: охи-вздохи и побег.

Он уставился на Алису.

— Слышал, что вы приедете. Очень рад личной встрече. До сих пор пересказывают о произошедшем два года назад, — обратился он к Алисе.

Алиса почувствовала, как её щёки заливают краска. А на лице Максима она увидела довольную улыбку. Можно было даже подумать, что он горд. Но Алиса быстро отмахнулась от этих подозрений. Такие чувства так несвойственны Максиму: как рыбе зонтик.

— Вы по делу, я так понимаю, — обратился он к Максиму. — Рассказывай.

Они рассказали. Про Петра, про пропажи, про Ротонду. Про то, что Алиса слышала шёпот — и что этот шёпот шёл из стен.

Осип слушал, не перебивая. Его лицо оставалось неподвижным, только пальцы барабанили по столу.

— Тени не шепчут, — сказал он наконец. — Тени наблюдают. Или воздействуют через личные предметы. Но говорить — нет.

— Так кого же я слышала? — Алисе важно было это узнать.

Осип посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах было холодное, профессиональное любопытство.

— Если ты слышала, значит, это не тени. Может, сварливые соседи, — он поднялся и прошёл к окну. — Фактически тень — это не сам дух мертвеца. Он не пересекает границы миров. Это как подглядывать в замочную скважину. Ты видишь кусочек, но не можешь войти.

— И как понять, что за нами «подглядывают через замочную скважину»? — спросил Максим.

— Как говорится, «поймать за руку». И для этого нужен... — Осип обернулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на мальчишеский азарт. — Тенесбойник. Ловец теней.

— Тене... что? — переспросила Алиса. — Впрочем, неважно. Он у вас есть?

— У Лады Леонтьевны. Но она не любит, когда его используют. Говорит, это «гадко».

— В чём гадкость-то?

— Понимаешь, Алиса, Лада Леонтьевна чересчур человеколюбива для этого мира. Даже когда вопрос и человека не касается. Впрочем, вы сейчас сами во всём убедитесь.

Лада Леонтьевна оказалась той самой женщиной, которую Алиса видела во дворе. Когда она двигалась, юбки шуршали, как осенние листья.

— Максим, голубчик, — пропела она, увидев их. — А это, вижу, та самая Алиса? Наслышана, наслышана, — Она всплеснула руками. — Не ожидала вас так рано.

— Дело не терпит, Лада Леонтьевна, — Максим склонил голову в почтительном поклоне. Алиса никогда не видела его таким — почти вежливым.

— Знаю, знаю, — директриса вздохнула.

Осип Георгиевич коротко изложил то, о чём они говорили полчаса назад.

— Тени, пропажи, Ротонда... — она поморщилась. — Как-то это всё гадко, милые мои.

— Мы справимся, — сказал Максим.

— Гадко это всё, гадко, — повторила директриса и грустно уставилась в тёмно-коричневый дубовый стол.

— Не вижу другого выхода, — отпарировал Осип Георгиевич.

— Ловить, изымать, мучить, — жалобно протянула Лада Леонтьевна и схватилась за щёки руками.

— Вы так не волнуйтесь, — попыталась Алиса успокоить. — Может, там и вовсе теней нет. И мы никого ловить не станем.

— Ох, — вздохнула директриса. Потом подошла к стене, нажала на скрытую панель — и та отъехала в сторону.

Внутри, на бархатной подушке, лежала шкатулка.

Бронзовая, с тёмными пятнами патины. По её поверхности двигались тени — не от света, не от движения, а сами по себе. Они перетекали, сворачивались в спирали, распадались и собирались снова.

— «Ловец теней», — тихо сказала Лада Леонтьевна. — Не открывайте без нужды. И верните, когда всё кончится.

Она протянула шкатулку Алисе.

Алиса взяла её. Металл был холодным, но тени под пальцами казались тёплыми — живыми.

— Наконец-то, — прошептал Осип Георгиевич, и Алиса заметила, как у него задрожали усики от радости. — Наконец-то.

Он взял шкатулку из рук Алисы, погладил её, как долгожданного младенца.

— Вам бы лишь охотиться и заставлять кого-то страдать, — заохала Лада Леонтьевна, хватаясь за сердце. — И зачем я только согласилась?

— Ради дела, — сухо сказал Осип. — Ради дела, дорогая.

Они вышли во двор.

— Я так понимаю, нам нужны списки? — разглядывая студентов с кошачьим прищуром, спросил Максим.

Осип Георгиевич поглаживал карман пиджака, в котором лежала шкатулка, и промурлыкал что-то вроде согласия.

— Значит, нас снова ждёт встреча с чудесной Розой.

Осип поморщился, словно ему дали пощёчину.

— Ох уж эта женщина-громфон. Можете сходить без меня? — с надеждой посмотрел Осип на своих собеседников.

— Вы так и будете здесь сидеть? — прямо под парящей люстрой стоял громоздкий мужчина с кудрявой бородой.

— Да, — крикнули вразнобой студенты.

— Как хотите, — пожал плечами бородатый великан. — Сегодня вечером ваше сообщение будет передано Совету Старейшин, — он ещё раз бросил взгляд на студентов и направился к выходу.

— Нет у этих детей авторитета. Не понимают они порядков, — бурчал он в свою кучерявую бороду.

— Не переживай, Арон, — похлопал его по плечу Осип, — в это время они творят чудеса. Порой ужасные.

Арон остановился, кивнул в знак признательности за понимание и, понурился, пошёл дальше.

— Ответственный за учебную часть, — вздохнул вслед ему Осип. — Ох и намучился он с этими лжемагами. Но зря они так... Наткнутся на Совет Старейшин, осознают горечь ответственности за необдуманные поступки, — ехидно улыбнулся Осип.

Последняя реплика вызвала ухмылку и у Максима с Алисой.

— Удивительно, что они сейчас, все разом решили взбунтоваться, — сказал Максим.

— А может не они и решили, — вырвалось у Алисы.

Ей что-то не нравилось во всём происходящем. Тени, бунты, пропажи. Но она не могла объяснить даже самой себе как это всё связано.

Поймав на себе взгляд Максима, она поняла, что она не одинока в своих догадках.

Убедив Осипа Георгиевича, что без него им никак не справиться, они двинулись в путь, взяв такси.

— Новая Голландия? Не ожидала, — узнав знакомые очертания, воскликнула Алиса. — Давно хотела здесь побывать. Но по другому случаю, правда, — выйдя из такси, Алиса с восхищением осматривалась.

— Случаи нам не выбирать не приходится, — встав рядом, грустно вздохнул Максим.

Алиса с удивлением на него посмотрела: на секунду ей показалось, что он устал от этой «посвящённой» жизни. Но через мгновение он уже прежней уверенной походкой направился вперёд.

— Наконец-то! Действия! — послышалось радостное восклицание Осипа. — А то теория, теория... — следом за Максимом пошёл Осип, потирая ручки.

Вот кто был действительно рад — так это Осип, подумала Алиса.

Они свернули с набережной Адмиралтейского канала в неприметную арку, зажатую между красными кирпичными корпусами. Арка упиралась в глухую стену.

Осип приложил руку к стене.

Кирпичи на секунду стали прозрачными — как вода в мутной реке. Алиса почувствовала холодок, пробежавший по коже, и шагнула вперёд.

За стеной была та же Новая Голландия — но другая.

Небо здесь всегда сумеречное, даже в белую ночь. Фонари горели тусклым жёлтым светом, и пламя в них колыхалось, хотя ветра не было. По брусчатке ходили люди в странной одежде: кто в чёрных комбинезонах, кто в длинных плащах, кто в синих костюмах — в зависимости от должности.

Они не обращали внимания друг на друга. Каждый был занят своим делом.

— Архивный остров, — сказал Осип Георгиевич. — Место, где документы хранятся дольше, чем память о них в наших головах.

Они прошли мимо низкого кирпичного здания с широкой трубой — Кузни. Алиса заметила, как над трубой дрожит воздух, хотя дыма не было.

Глава 5: Новая Голландия

Они последовали в круглое здание, которое стояло в центре острова. Три этажа, красный кирпич, узкие окна-бойницы. Внутри — двор-колодец, куда не попадает прямой свет.

Первый этаж — открытые галереи, вдоль которых идут двери камер. В каждой камере — свой архивный фонд. На дверях нет номеров, только символы: змея, кусающая хвост (династий посвящённых); раскрытая ладонь (дары и способности); якорь (морские артефакты); череп с короной (дела о насильственной смерти).

Алиса заметила, что некоторые камеры затоплены. Вода стоит по щиколотку, а в одной — по пояс.

— Это глушит магические эманации. Документы, связанные с тёмными ритуалами, хранятся в воде, чтобы их энергия не просачивалась наружу, — прошептал Осип, с трепетным восхищением озираясь вокруг.

— Нам нужно на второй этаж? — спросил Максим. — Я подзабыл, где находится кабинет Остаповны.

По взгляду Осипа Алиса поняла, что и он подзабыл, где находится кабинет Остаповны.

— Простите, — быстро сориентировалась Алиса, увидев мужчину в плаще и высоких резиновых сапогах, выходящего из одной из затопленных камер, — мы ищем кабинет Розы Остаповны.

В ответ мужчина с каменным лицом вопросительно поднял бровь.

— Главного архивариуса, — чуть менее уверенно продолжила Алиса.

— Около Ковша, — скрипучим голосом бросил мужчина, практически не открывая рта, и быстрым шагом направился на второй этаж.

Огромная разбитая табличка, висящая на цепях над лестничным пролётом, сообщала:

«Камеры для личных дел»

— Как здесь всё угрюмо, — не удержалась Алиса, — даже люди.

— Хе-хе, — хрипнул преподаватель, — здесь хранятся досье на всех посвящённых, живших в Петербурге за последние триста лет. Не такие уж весёлые «истории». Ну и антураж соответствующий, — подмигнул он и направился к выходу.

Они прошли вновь к центру острова, к бассейну, который был до краёв полон жидкостью, похожей на жидкое серебро. Оно не колыхалось, не рябило, и в нём ничего не отражалось.

У противоположного берега стояла знакомая фигура с копной белых волос.

— Роза Остаповна, — радостно замахал рукой Максим и широко улыбнулся, — а мы вас ищем.

Он широким шагом направился к ней.

Фигура бросила в серебристую жижу какой-то предмет и помахала в ответ.

Когда они подошли, Алиса обнаружила, что главный архивариус с напряжением вглядывается в серебристую жижу.

— Вы переехали? — недовольным тоном спросил Осип Георгиевич.

Главный архивариус оторвала взгляд от бассейна и вперила сверлящий взгляд в преподавателя.

— Уже как четыре года назад. Мне выделили отдельный домик около архивного зеркала, — она кивнула в сторону бассейна. — Его закидали всяким хламом. Теперь на важные запросы он периодически засасывает гипнозом или же выводит всякую пургу.

Педагог переступил с ноги на ногу, явно занервничал.

— Это как получается, — он указал в сторону бассейна, — Главный архивный фонд вышел из строя?

Остаповна лишь бросила грустный взгляд в сторону бассейна.

Они немного ещё постояли, не обмолвившись ни словом.

Алиса внимательно смотрела на серебристую гладь. Это зрелище зачаровывало. Ничего не отражало, не двигалось. Но что-то зашептало.

«Обман»

«Случайность»

«Страх»

«Случайный путь»

«Спасение»

Шептали разные голоса. Но Алиса была уверена, что шепчет этот бассейн.

Алиса сморщила лоб и подошла ближе к бассейну, пытаясь расслышать доносившиеся слова.

— Не смей! — Алиса почувствовала, что её сильно схватили за локоть и дёрнули назад. — Не смей никогда подходить так близко к архивному бассейну, — в голосе Розы звучали ноты беспокойства. — Оно засасывает. Ещё никого не пощадило. И смотреть дольше минуты в него не положено. Иначе оно может помутить сознание.

Алису охватил ужас. Она осознала, что оказалась под каким-то влиянием.

— Оно что-то шептало, — лишь пробормотала Алиса.

— Архивный бассейн заговорил? — на удивление Алисы, глаза Розы Остаповны засияли.

— Да, но я не поняла...

— Значит, оно говорит, — Роза Остаповна отпустила Алису и задумчиво взялась за подбородок.

Алиса растерянно кивнула.

— Значит, когда оно не показывает, оно рассказывает... — будто сама с собой заговорила Роза Остаповна. — Но мы её не слышим. Но ты услышала, — Роза Остаповна уставилась на Алису. — На каком языке оно говорит?

Алиса замотала головой.

— Не могу пока разобрать язык, увы. Я понимаю, что говорят, но не понимаю, на каком языке.

— Что ты бросила туда перед нашим приходом? — спросил Максим.

— Я бросила туда собранную пыль в специальной упаковке с места похищения корабельной модели Петра Первого.

— А ты умеешь придумать, — хрипло усмехнулся Осип.

— И что ты услышала, Алиса? — обратился Максим к Алисе.

— Про страхи, случайность, про случайный путь и спасение. Я ничего не понимаю, — Алиса растерянно огляделась.

— Я тоже, — главный архивариус глазами словно прошупывала бассейн, пытаясь найти хоть какое-то объяснение.

— Кстати, насчёт Петра Первого, — бодро прервал молчание Осип. — Мы собственно за списком...

— Но у меня нет списка утерянных вещей, — трагическим голосом перебила Роза.

— Нам нужен просто список, где что Петровского выставлено в музеях. И куда ещё не заявлялись наши Петровские воровы.

— Ну с этим я помогу, — Роза развернулась и пошла к домику у края бассейна — низкому, кирпичному, с белыми колонами.

Внутри — стол, заваленный бумагами, и огромное окно, выходящее прямо на серебряную гладь.

— Вот, благо я не затеряла эту папку. Только недавно сама всё просматривала.

Она протянула папку Максиму и потёрла лицо.

— Может вам отдохнуть, Роза Остаповна? — открыв папку и краем глаза взглянув на неё, предложил Максим.

— Не могу, — страдальчески проговорила она и помотала головой. — Архивный бассейн отказывается работать уже месяц, музеи расхищаются, Пётр гарцует всё громче, да ещё и студенты разбушевались не на шутку...

— Ну про «разбушевались» это вы лишнего взяли, — отмахнулся преподаватель. — Так, лениво лежат на траве и отказываются учиться. Молодёжь считает, что они всё уже знают.

— Но как с ними быть?! — возмутилась Роза Остаповна.

Максим захлопнул папку, подошёл к главному архивариусу и положил ей руку на плечо.

— Вы слишком много за всё сразу беспокоитесь. Не стоит. Петром займусь я, музеями Осип и Алиса, а студентами займётся Совет Старейшин. Наверное.

— А лучше бы нет. Но пусть он хоть чем-то займётся, — пробубнил Осип, чем вызвал ухмылку у Максима и Алисы.

На лице Остаповны появилась вымученная улыбка. Алиса, как только попала в мир посвящённых, сразу поняла, что Советом Старейшин многие в этом мире недовольны.

Они вышли из домика. Небо над Архивным островом всё так же было сумеречным. Алиса бросила последний взгляд на серебристую гладь бассейна. Она молчала.

Глава 6: Дом с совами

В гостиницу они вернулись поздно. Алиса рухнула на кровать, не раздеваясь и уснула мгновенно — но спала плохо.

Ей снились карты.

Сначала был только шёпот. «Не туда... не туда...» — шелестели голоса. Потом из темноты вылетели светящиеся карты. Они кружились, переливались золотом и серебром, а потом вдруг рванули прямо на неё. Алиса хотела закричать, но не смогла — в горле застрял ком.

А в конце, из хаоса карт, проступило лицо Афелии. Девушка с седой прядью смеялась. Громко, зло, почти безумно. Её глаза горели жёлтым.

Алиса проснулась с криком.

За окном светило солнце, голуби на карнизе, редкие прохожие, запах кофе из соседнего номера. Реальность потихоньку возвращалась на свои места. Но тревожный осадок от сна остался.

Она сползла с кровати, умылась ледяной водой и спустилась.

Максим уже сидел за столиком в углу гостиничного ресторана. Перед ним стояла чашка чёрного кофе и нетронутый круассан. Он смотрел в окно и, кажется, ничего не видел.

— Ты чего такой задумчивый? — спросила Алиса садясь напротив.

— Поедем в домик Петра, — сказал Максим не сразу. Будто решался.

Впрочем, Алиса привыкла к такому странному общению.

— Домик Петра? — она взяла круассан. Максим молча подвинул тарелку. — Думаешь, они туда явятся?

— Им не хватает его посуды.

Алиса поперхнулась кофе.

— Что?

— Полного списка украденного у меня нет, — Максим, наконец, повернулся к ней. — Но из того, что я слышал... посуда Петра — единственное, чего у них ещё нет.

— Вывод спорный, — Алиса вытерла губы. — Но с тобой спорить не буду.

Максим частенько выдавал нестандартные ответы, которые в итоге оказывались правильными. Она давно перестала задавать вопросы «почему ты так решил» — бесполезно.

— Для полноты картины нам нужен полный список пропавших вещей, — добавил Максим.

— Думаешь, Фёдор его выдаст?

— Уверен. Он жаждет нам его выдать.

— Не сомневаюсь в твоей уверенности, — улыбнулась Алиса.

Сегодня его бесцеремонная уверенность несколько не раздражала. Сейчас ей хотелось именно такой — безапелляционной, почти наглой — уверенности хоть в чём-то.

После завтрака они вышли на улицу.

Солнце висело над Невой, но грело едва — только слепило. Алиса щурилась и ловила себя на мысли, что хочет обратно в постель. Кошмар всё ещё сидел в затылке комком: карты, хотот, жёлтые глаза.

— Ты в порядке? — спросил Максим, даже не глядя на неё.

— Нет. Но это не важно.

Он ничего не ответил — только кивнул и свернул на Невский.

Мариинский театр днём казался вымершим. Люстры не горели, кресла пустовали, только рабочие в синих халатах возились на сцене, перетаскивая декорации. Капельдинер — сухонький старик с медалью на лацкане — узнал Максима сразу.

— Если вы ищете Фёдора Карповича, его нет уже два дня, — сказал он, не дожидаясь вопроса.

— Вам это не показалось странным? — уточнил Максим.

— Он заглядывал сюда «подышать культурным воздухом» каждый день лет десять, — капельдинер пожал плечами. — А теперь пропал. Да, странно.

Максим развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

— Думаешь, он дома? — спросила Алиса догоняя.

Максим кивнул.

— Идти минут пятнадцать.

Алиса покосилась на его профиль — сомкнутые челюсти, выпирающие скулы. Он был напряжён сильнее, чем показывал. В отличие от погоды, которая становилась всё солнечнее и теплее, их настроение с каждым днём делалось только хмурее.

Они остановились у дома с совами.

Алиса подняла голову и не смогла сдержать улыбки. Здание было красивым — старинным, с лепниной, с двумя каменными совами над входом. Они сидели на карнизе, нахохлившись, и смотрели на улицу круглыми глазами.

— Дом с совами! — радостно воскликнула Алиса. — Не знаю насчёт характера этого господина, но вкус у него отменный.

Максим остановился, посмотрел на неё внимательно. Уголки его губ дрогнули вверх.

— Я рад, что спустя два года ты научилась видеть позитив во всём происходящем.

— Когда позитив не случается, приходится его выискивать, — грустно усмехнулась Алиса и пошла вперёд.

Не оборачиваясь, она поднялась на третий этаж и интуитивно остановилась перед дубовой дверью с вычурными мифологическими изображениями: грифоны, амурсы, что-то античное.

— Он вообще не пытается замаскироваться, — заметила она.

— Ты просто не представляешь, сколько проблем он доставляет, — улыбнулся Максим.

Алиса постучала. За дверью что-то зашуршало, но никто не открыл. Максим подошёл и постучал громче.

— Оболенский Фёдор Карпович! Мы знаем, что вы дома. Отворите, ваше сиятельство. Не то придётся вызвать полицию, органы Надзора или, ещё хуже, Яшу...

На этой фразе дверь распахнулась.

Запах гари ударил в нос. Смешанный с чем-то сладковатым — может, старыми духами, может, ладаном. Алиса не смогла определить. Первое, что она подумала: они попали в логово хищника. Но когда глаза привыкли к полумраку, восхищение пересилило тревогу.

Квартира оказалась настоящим музеем.

На стенах — старинные карты в золочёных рамах. На камине — бронзовые часы, остановившиеся на одном времени. Вазы в виде слонов, шкатулки с самоцветами, персидские ковры — выцветшие, но всё ещё роскошные. Всё было расставлено с таким вкусом, что Алиса на секунду забыла, зачем они пришли.

В глубине комнаты они увидели уходящую фигуру Фёдора. Алиса сразу заметила перемены: он стал сутулее, двигался медленнее и слегка прихрамывал.

— С вами всё в порядке? — спросил Максим, проходя за ним в арку.

Они оказались в огромном зале с хрустальной люстрой. Фёдор, не оборачиваясь, подошёл к буфету из вишневого дерева, достал коньяк и налил себе не глядя.

Он лишь хмыкнул в ответ.

— Ты беспокоишься о моём здоровье, Максим? Не удивлюсь, если ради этого в Петербург приехал.

— Просто хотел узнать, не сильно ли тебя подкосила дружба с тeneвым миром.

Фёдор задвигал нервно челюстью. Но ничего не сказал.

Алиса смотрела на него и не узнавала. Глаза потемнели, волосы растрёпаны, кожа поседела. Рука, державшая бокал, тряслась. И седая прядь на левом виске стала шире — намного шире, чем в театре. И на пиджаке дорогом, тёмно-синем — тускло блеснула брошь. Массивная, с чёрным камнем. Алиса замерла на секунду. Такой же камень она видела на пальце у Афелии. Она быстро перевела глаза на лицо Фёдора и столкнулась с его насмешливым взглядом. Алисе стало неуютно от его пронизывающего и дурманящего взгляда.

— Оставь свои миражистские штучки, — спокойно сказал Максим. — Я, собственно, за списком.

— Не готов, — Фёдор быстро перевёл взгляд на говорящего.

Он повернулся к буфету и снова налил себе коньяк. Бокал был уже не первый.

— Ты был занят? — лицо Максима оставалось неподвижным.

— Как видишь.

Фёдор поднял бокал перед собой, попытался изобразить улыбку. Получился злой оскал.

Алиса чувствовала что-то неладное — но не могла понять, что именно. Будто перед ней Фёдор и одновременно не он. Будто все всё знают, но по какому-то негласному правилу, вынуждена молчать.

— Наш гениальный антиквар уже не так гениален? — спросил Максим.

— Увы, — Фёдор, одним махом, осушил бокал.

— И всё же список нам нужен.

Фёдор замер. Алиса заметила, как под кожей его лица что-то дрогнуло — будто тёмные волны прокатились под кожей. Это длилось секунду. Потом он уставился на Максима стеклянным взглядом.

— Хорошо.

Он подошёл к широкому столу на львиных ножках, взял белый лист и начал быстро писать. Каллиграфическим почерком, с нажимом, аккуратно выводя каждую букву.

Потом остановился так же резко, как начал. Рука его ещё мгновение тряслась над листом, будто в сомнениях. Но потом он схватил лист и отдал Максиму.

Его уже знобило.

— А теперь, мои незваные гости, вынужден распрощаться. Я себя неважно чувствую...

— Здесь не всё, — прервал его Максим.

Он успел беглым взглядом окинуть лист.

— Значит, добавишь на своё усмотрение, — огрызнулся Фёдор и рукой указал на дверь.

— Нет. Ты добавишь.

Максим не двинулся с места.

Алиса заметила, как дёрнулся глаз у Фёдора. И как его правая рука потянулась назад — к бронзовой чернильнице.

Он только успел её схватить — и Алиса остановила время.

Чернильница упала на пол. Чёрные чернила растеклись по яркому ковру. И что-то ещё — тёмное, бесформенное — поползло по полу. Но в полумраке Алиса не смогла разглядеть, что именно.

На этот раз она удержала время всего на двадцать семь секунд. Чем чаще она останавливала время, тем меньше у неё получалось его удерживать. В висках запульсировало, в глазах потемнело. Алиса почувствовала слабость.

Когда время потекло снова, Фёдор рухнул на колени, уронив руки. Он тяжело дышал.

— Спасибо, — прохрипел он. — Хрустальный стакан. Уходите.

— Может, вам помочь? — Алиса сделала шаг вперёд.

Но налитые кровью глаза Фёдора её остановили.

— Быстро, — прошипел он.

Алиса отскочила. Максим схватил её за локоть и выволок из квартиры. Они выбежали на улицу. Солнце ударило в глаза, и Алиса зажмурилась.
— Как ты догадался, что список не дописан? — спросила она, отдышавшись.
Максим показал ей лист.

— Смотри.

Она посмотрела. Аккуратным каллиграфическим почерком Фёдор выписал каждый предмет на отдельной строке. И после каждого — запятую.

— После последнего слова тоже стоит запятая, — сказал Максим. — Он не дописал.

Алиса прикусила губу.

— Что могло ему помешать?

— То, что разбудило Петра Первого.

— Мы должны помочь Фёдору.

Она чуть не ринулась обратно в подъезд, но Максим перехватил её за руку.

— Мы ему только помешаем.

— Но когда я остановила время, он поблагодарил. Значит...

Максим остановился и, шурясь от солнца, посмотрел на неё внимательно.

— Он именно этого и хотел, Алиса. Фёдор не появился в театре, чтобы мы пришли к нему домой. Он знал: рано или поздно мы явимся за списком. И нарочито аккуратно при нас начал писать — чтобы отсутствие точки в конце не осталось незамеченным. А чернильницей замахнулся, чтобы ты остановила время. Он хотел натолкнуть нас на то, с кем мы имеем дело.

— Почему бы прямо не сказать? А не «толкать».

Максим пожал плечами.

— Я не силён в теневом мире. Может, у них сделка. Наш охотник за антикварными сокровищами куда только не вляпывался, чтобы достать понравившуюся ему «вазочку».

— Опять этот затейливый «теновый мир»? — Алиса нахмурилась.

— Да, Алиса. Мир теней. Таинственный, неизведанный. И, кажется, Фёдор в него заглянул слишком глубоко. Тени используют его, он использует нас... — пропел Максим последнее предложение.

— Последнее мне вообще не нравится, — пробурчала Алиса.

Они вышли на набережную. Солнце дрожало на волнах Невы. Алиса всё ещё чувствовала во рту привкус чернил — или ей только казалось.

— Идём, — сказал Максим. — Надо навеститься к Денису. Надо доложить об обстановке, узнать об обстановке...

— Ты думаешь, он знает, с кем связался Фёдор?

— Нас сейчас не Фёдор волнует.

Алиса бросила последний взгляд на дом с совами. В окне третьего этажа мелькнула тень. Или не мелькнула. Или ей показалось.

Она отвернулась и зашагала следом за Максимом.

Глава 7: Дом Зингера

Максим поймал такси — серый «Фольксваген» с потёртым сиденьем и запахом ванили. Таксист — круглолицый мужчина с рыжими усами — всё время пытался их разговорить.

— Прекрасная погода, — громко воскликнул он, кивнув на окно.

— Холодно, — недовольно пробубнила Алиса, кутаясь в плащ.

— Вы что? Явно приезжие! — возмутился таксист.

Максим ухмыльнулся и уставился в стекло. Алиса знала этот взгляд — он означал «я здесь ни при чём, разговаривайте сами».

— Я сперва подумал, что вы молодожёны, — продолжил таксист, поглядывая в зеркало заднего вида.

Алиса фыркнула. Максим и вовсе рассмеялся — коротко, гортанно, будто увидел что-то забавное.

— А теперь понимаю, что вы в командировку приехали, — добавил таксист с видом человека, который только что раскрыл заговор.

— Как вы догадались? — Максим вытянулся вперёд, положив подбородок на спинку переднего сиденья.

— Как можно выглядеть такими недовольными, когда тебя окружает такая красота? — таксист развёл руками, чуть не отпустив руль. — Разве что недовольство вызвано работой.

— Вы чтец душ! — Максим похлопал его по плечу и откинулся на спинку.

Таксист довольно хмыкнул и заулыбался в усы.

Алиса в очередной раз восхитилась — хотя и пыталась этого не выдать — умением Максима за секунду менять настроение. Именно менять, а не притворяться, что поменял. С ним никогда не знаешь, где кончается игра и начинается правда.

Она повернулась к окну.

Петербург катился мимо: золотые купола Исаакия, фигурные решётки каналов, дома с лепниной и колоннами. Нева блестела на солнце, по набережной шли люди с мороженым и смеялись. Алиса поймала себя на мысли, что этот город в солнечный день похож на открытку — слишком красивый, чтобы быть настоящим. Она почти забыла, зачем они здесь.

Такси остановилось.

— Приехали! — таксист гордо выпрямился за рулём. — Дом компании «Зингер». Восхитительный памятник архитектуры!

— Как замечательно видеть человека, который влюблён в свой город, — сказала Алиса, выходя.

— В Санкт-Петербург нельзя не влюбиться, — ответил таксист и укатил, довольно сигналя на прощание.

Алиса подняла голову.

Дом Зингера стоял на углу Невского и канала Грибоедова — светлый, изящный, с башней, увенчанной стеклянным глобусом. Над углом здания, на уровне шестого этажа, застыли каменные валькирии — крылатые девы с суровыми лицами и расправленными крыльями. Они смотрели вниз, на поток машин и людей, и казалось, что в любой момент готовы сорваться с карниза.

— Давно хотела увидеть это здание, — призналась Алиса. — Оно действительно впечатляет. Хорошо местный Надзор устроился, — она хихикнула. — Не то чтобы мы в Москве: ютимся в здании Министерства иностранных дел...

— Так, мы и занимаемся «иностранными» делами, — усмехнулся Максим и толкнул дверь книжного магазина.

Внутри пахло бумагой, кофе и чем-то сладким — может, пирожными из буфета.

Алиса забыла о цели визита. Она любила книги — их запах, их тишину, их спокойное расположение на полках. Стеллажи уходили вверх до самого потолка. Она провела пальцами по корешкам: классика, детективы, какие-то странные издания на английском. Одна книга — в синем кожаном переплёте — сама собой сдвинулась с места, когда она проходила мимо.

— Идём, я тебе интересную книгу покажу, — Максим потянул её за локоть в дальний угол.

Там, между стеллажом с путеводителями и витриной с открытками, стояла металлическая спиральная полка. Книги на ней были расставлены не по алфавиту, а как попало — и от этого казалось, что они вращаются.

Максим положил руку на край спирали. Покрутил. Вынул книгу — толстую, в зелёном переплёте. Снова покрутил. Поставил книгу на другое место. Повторил это с ещё двумя книгами — быстро, не глядя, будто делал это тысячу раз.

А потом раскрутил спираль с такой силой, что книги зажужжали.

Алиса заметила, как стена за спиралью расплылась — будто кто-то провёл мокрой кистью по акварели.

— Пошли, — Максим шагнул в стену и потянул её за собой.

Мир перекутило — как в дешёвом калейдоскопе. Алиса зажмурилась, а когда открыла глаза, они стояли в тёмном коридоре. С обеих сторон — полки с папками. Над головой жужжали тусклые светильники, разгоняя тьму ровно настолько, чтобы не споткнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.